У ИСТОКОВ НАУЧНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ

Тощенко Жан Терентьевич,

член-корреспондент РАН,

главный научный сотрудник,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

научный руководитель социологического факультета,

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва.*

E-mail: zhantosch@mail.ru

Аннотация¹. В 1913–1914 гг. была осуществлена первая попытка издания регулярного периодического журнала «Новые идеи в социологии» под ред. М. М. Ковалевского и Е. В. де Роберти – было осуществлено 4 выпуска. Организаторскую и координационную работу – быть ответственным секретарем издания – взял на себя в будущем крупнейший экономист Н. Д. Кондратьев, труды которого в это время носили не только экономическое, но и социологическое видение многих общественных процессов. В этих выпусках были опубликованы принципиально важные статьи молодого П. А. Сорокина, в которых он апробировал идеи будущей интегральной социологии. Создавая эти выпуски, его организаторы и творцы ставили перед собой цель решить несколько задач. Во-первых, заявить о такой науке как социология, доказать право на ее существование, показать, что она открывает новые грани познания общества. Во-вторых, открывая первый сборник, было провозглашено, что первейшей заботой является развитие и обоснование предмета, границ, методов, теоретической и практической ценности социологии. В-третьих, редакция объявляла, что она продолжит дискуссию по основополагающим проблемам социологии, что она будет всемерно содействовать публикации новых идей – «новых истин, открытий в области

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 17-06-00407

неизведанного». Поддерживая контакты и используя данные других наук, редакция призывала в то же время четче определиться в своей области поиска, в первую очередь при сравнении с такими смежными науками как биология, психология и философия.

Ключевые слова: объект и предмет социологии, границы социологии, эволюция, прогресс, метод социологии

AT THE ORIGINS OF SCIENTIFIC SOCIOLOGICAL PERIODICALS

Toshchenko Jean Terentyevich,

*Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Chief Researcher of the Institute of Sociology, FCTAS RAS,
Research Manager of the Sociological Faculty,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian.*

E-mail: zhantosch@mail.ru

Abstract. In the years 1913–1914. the first attempt was made by publishing in the form of four issues of the regular periodical journal “New Ideas in Sociology”, ed. M. M. Kovalevsky and E. V. de Roberti. Organizational and coordination work – to be the responsible secretary of the publication – was undertaken in the future by the largest economist N. D. Kondratiev, whose works in the aftermath in many ways were not only economic, but also sociological vision of many social processes. In these issues, the fundamentally important articles of the young PA. Sorokin were published, in which the foundations of future integrated sociology were laid. Creating these issues, its organizers and creators set a goal to solve several important problems. First, to declare such a science as sociology have the right to its existence, to show that it opens up new facets of the cognition of society. Secondly, in opening the first collection, it was proclaimed that the primary concern is the development and substantiation of the subject, boundaries, methods, the theoretical and practical value of sociology. Thirdly, the editors announced that they

would continue the discussion on the fundamental problems of sociology, that they would do everything possible to promote the publication of new ideas – “new truths, discoveries in the unknown.” Supporting contacts and using data from other sciences, the editors called at the same time to define their search field more clearly, especially when compared with such related sciences as biology, psychology and philosophy.

Keywords: object and subject of sociology, the boundaries of sociology, evolution, progress, the method of sociology

Вместо введения

Насколько значителен и даже отважен был шаг по подготовке и выпуску планируемого периодического издания, показывает ситуация с нарождающейся наукой в России во второй декаде XX в. Напомним некоторые факты, характеризующие положение социологии и отношение к ней официальной власти. Прежде всего, отметим, что социология в представлениях государственных чиновников ассоциировалась с социализмом: употребление этого слова и особенно в печати каралось самым суровым образом. Именно подозрение в близости или в тождестве с социалистическими идеями привело к закрытию по требованию царского режима Парижской школы, в свое время основанной Де Роберти, где преподавались курсы по тем или иным актуальным социальным сюжетам и где лекторами выступали представители многих наук. Подозрение и недоверие государственных органов приводило ко многим нелепым казусам. У приезжающей из-за границы российской интеллигенции изымались и конфисковывались любые печатные издания, где фигурировало слово «социология». По воспоминаниям М. М. Ковалевского, именно такая подозрительность привела к запрету и сожжению книги Лестера Ф. Уорда «Динамическая социология». Она была изъята из его багажа при возвращении в Россию. Как пошутил Ковалевский, помимо слова «социология» жандарма смутило слово «динамическая», которое у него, видимо, ассоциировалось со словом «динамит».

Позиция правоохранительных структур транслировалась на отношение к социологии и со стороны Министерства просвещения, которое упорно противостояло любым попыткам не только создать кафедры социологии в университетах страны, подобно другим наукам, но и не разрешало чтение курсов, лекций и даже отдельных выступлений по проблемам социологии в рамках других дисциплин. Эта негативная позиция Министерства была соблюдена до последних дней существования царизма. Исключением из этого правила стало разрешение непосредственно самим императором создания кафедры социологии в частном учебном заведении – Психолого-неврологическом институте.

Ковалевский, открывая своей статьей первый выпуск «Социология на Западе и в России», настаивал на том, что создание и функционирование социологии – это отражение потребностей прогресса в соответствии и согласовании с требованиями общественного развития науки, а не от «исполнения велений начальства» [Ковалевский 1913: 10]. Чтобы убедить главным образом официальные властные структуры, он специально подробно остановился на описании успешного конституирования новой науки в университетах Франции, Великобритании, Германии, США и других странах, а также на создании и деятельности Международного института социологии, исследовательских центров и лабораторий на подготовке специалистов по этому профилю [Ковалевский 1913: 1–10]. Важнейшей задачей новой науки он считал информирование общества о возможностях социологии, сообщение о результатах проведенных исследований, помощь в познании актуальных социальных проблем, которые необходимо решать. Для этого он апеллировал к таким злободневным вопросам общественного бытия в России, как проблемы организации труда, развитие общественных начал с использованием права, роль этики в жизни общества [Ковалевский 1913: 4, 9]. Именно обращение к этим проблемам, по его мнению, способствовало бы объединению многочисленных сил, стремящихся исследовать социальные отношения, социальные процессы, социальные явления, сопоставлять их, определять и выявлять их место и роль в развитии

общества. Видное место в этой задумке заняло представление о периодическом издании по социологии, которое бы обеспечивало регулярность получения новейшей информации, что было бы источником пополнения знаний об обществе с особых научных позиций.

Примечательно, что уже в этой статье Ковалевский считал необходимым заявить о высоких требованиях к творчеству социологов и их ответственности за достоверность получаемых результатов [Ковалевский 1913: 5]. Такой подход должен был стимулировать поиск новых идей, которые бы обогащали не только науку, но и практику, возможность осуществлять «конкретные обобщения» [Ковалевский 1913: 6], которые бы вызвали необходимость реагирования со стороны общества и государства. Примечательно, что в этой статье Ковалевский провозгласил девиз (теоретическую и методологическую установку социологии), основанную на пожелании Спинозы «Не плакать, не смеяться, а понимать» [Ковалевский 1913: 1], что было в известной мере предвидением того, что потом стали называть понимающей социологией. Причем эти идеи не должны быть ограничены только самой социологией – она, по его мнению, успешно будет развиваться только в тесном взаимодействии с другими науками и особенно с естественнонаучным знанием. И, наконец, уже в своей первой статье Ковалевский говорил о необходимости преподавания социологии, о введении этой науки в сферу подготовки специалистов не только социальных и гуманитарных наук (Ковалевский 1913: 9).

Нужно сказать, что издатели сделали все возможное, чтобы привлечь к реализации этого замысла самые передовые, самые пионерные, самые ищущие научные силы общества. На страницах этих выпусков обсуждались идеи Н. Н. Михайловского, П. Л. Лаврова, Я. А. Новикова, Н. И. Кареева, П. Гумпловича, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и др. Примечательно, что к становлению новой науки и поддержке издания периодического сборника приложили руку видные российские естествоиспытатели – К. А. Тимирязев, И. И. Мечников, М. П. Погодин. Но это было не только российское издание – оно было сориентировано на активное участие в обсуждении актуальных проблем

и зарубежных исследователей. На страницах «Новых идей» были опубликованы статьи иностранных социологов – В. Освальда, П. Коллэ, Л. Вебера, А. Лория, Ф. Бюиссона и др.

Дискуссия об объекте и предмете социологии

Как было объявлено в редакционном заявлении в первом выпуске, первые публикации были посвящены поиску ответа на кардинальный, основополагающий и волновавший всех вопрос – а что такое социология?

К этому времени было уже высказано немало различных и противоречивых точек зрения, которые нередко не поясняли суть проблемы, а лишь усложняли ее понимание, что в свою очередь ставило под сомнение сам факт существования социологии как самостоятельной науки. Нужно сказать, что к анализу этого вопроса творцы «Новых идей в социологии» подходили с различных позиций. Это была одна из принципиальных установок Ковалевского, придерживающегося принципов плюрализма в науке. Можно считать доказанным, что на страницах этих выпусков были высказаны различные представления о сущности, предмете социологии, к обсуждению которых приглашались читатели, и им представлялась возможность высказаться по этому вопросу.

Что касается Ковалевского, который, отметив непрекращающиеся споры о предмете, границах, методах и функциях социологии, не ограничился пересказом и описанием уже высказанных точек зрения с некоей их правкой, как делали многие российские социологи, а обосновал свою личную концепцию, которую он назвал *генетической социологией*. Оставаясь на позициях последовательного позитивизма, он так определял ее суть: «Генетической социологией, – писал он, – называют ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право...».

Де Роберти, открыто называя себя неопозитивистом [Де Роберти 1914а: 15], стремился доказать свою приверженность

основным идеям социологии XIX в., доказывая, что общие законы развития общества являются первоочередной задачей социологии. Но понимая, что законы развития общества изучает не только социология, он уделил большое внимание месту и соотношению социологии с другими науками. Говоря о том, что социология еще не совсем устоявшаяся наука [Де Роберти 1913: 12], он особое внимание уделил отличию социологии от философии. По его мнению, если для философа достаточно методов *a priori* (формальные и словесные обобщения), то для социологии важны обобщения реальных, проверенных опытом идей *a posteriori*. При этом он настаивал, что эти методы исследования имеют целью социальный прагматизм.

Если Ковалевский и Де Роберти в своих программных статьях в первом номере, остановились в основном на характеристике состояния социологии на Западе и в России, попутно дав общую характеристику понимания ими социологии, то Сорокин предложил развернутое видение и трактовку сущности и содержания социологии, назвав свою статью предельно точно – «Границы и предмет социологии». В ней он подробно проанализировал основные определения социологии, данные Контом, Спенсером, Зиммелем, Гумпловичем, Тардом, Дюркгеймом и соотечественниками – Ковалевским, Де Роберти и Новиковом. Одной из примечательных особенностей этой первой его публикации в «Новых идеях...» была постановка вопроса об объекте социологии, который он четко различал от ее предмета. Это было принципиально важно потому, что практически в XIX в. социологами не различался объект и предмет социологии. Соглашаясь с предшественниками, что общество является объектом социологии, в качестве предмета он предложил рассматривать ***социологию как науку о социальном взаимодействии, которое он подразделил на несколько типов*** [Де Роберти 1913: 62]. Социальное взаимодействие он считал элементарной «клеточной», основной формой проявления общественной жизни. Именно ***социальное взаимодействие, по его мнению, является основным объектом исследований реального поведения людей***, что позволяет выявить

осознанные социальные связи между людьми, между ними и социальными группами и внутри них.

Примечательно, что именно в этих выпусках были опубликованы идеи Сорокина, которые впоследствии получили названия интегральной социологии. При определении ее сущности, предмета и границ Сорокин исходил из неопозитивистского подхода, который проявился в том, что он, как Г. Спенсер и Е. В. Де Роберти, окружающую действительность разделил на три мира: неорганический, органический и надорганический. Ставя в центр своего анализа надорганический мир, отличительной чертой его он считал «наличие сознания и мышления в своей развитой форме». По его мнению, общество представляет собой «совокупность совместно живущих людей, которые влияют друг на друга или взаимодействуют друг с другом».

По мнению П. А. Сорокина, главная задача социолога – исследовать «статистические и динамические стороны взаимодействия или поведения людей, а также явления, возникающие из этого процесса». В связи с тем, что в процессах взаимодействия людей появляются обладающие ценностными значениями явления культуры, то *социолог обязан сосредоточить внимание и на аксиологических аспектах социального взаимодействия*. Именно эти аспекты и станут определяющими в будущей разрабатываемой Сорокиным теории социокультурной динамики.

Такой подход Сорокина позволил более точно определить предмет социологии. Он четко поставил вопрос о том, что надо различать теоретическую постановку вопроса от прикладной. Объявив социологию интегральной наукой, Сорокин в то же время указывал, что она «остается строго социальной наукой», *специфика которой определяет ее структуру. В структуре интегральной социологии он выдели две части: теоретическая (общая) социология и практическая (прикладная) социология*. Отстаивая идею о том, что «социология может и должна строиться по типу естественных наук», Сорокин предложил выделить в теоретической социологии три раздела: «социальная аналитика», «социальная механика» и «социальная генетика». С его точки зрения, социальная аналитика должна рассматривать «простейшие социальные явления и сложные социальные

единства», социальная механика – изучать социальные силы и процессы как факторы социального взаимодействия, социальная генетика – анализировать эволюцию общественной жизни. В прикладной социологии (социальная политика) он придавал большое значение изучению социальных проблем города и деревни, политики и морали с помощью эмпирических методов исследования и выработки «системной рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни». Прикладная социология, по мнению Сорокина, должна стать реализацией *предложенного О. Контом принципа: «знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы мочь».*

П. А. Сорокин высказался о предмете социологии более всех и определеннее всех. Начав с подробного анализа идей Спинозы, он перешел к рассмотрению позиции Конта, показав, как его выводы осуществили принципиальный, качественный прорыв в познании общества. Затем он также обстоятельно проанализировал идеи Гумпловича. Такой подход и сопоставление различных точек зрения позволил ему определить в качестве предмета анализ социального взаимодействия, которое, как он уточил впоследствии, является результирующим показателем поведения людей. Такой вывод примечателен тем, что он предложил взять в основу новой науки не просто такое абстрактное и предельно широкое понятие как общество, прогресс, а такое понятие, которое подвергается верификации.

Основная проблематика публикаций

Анализ публикаций этих выпусков показывает, что генеральной и непререкаемой идеей для их инициаторов, как и для всех социологов того времени была дискуссия о прогрессе как о непрерывном поступательном позитивном развитии человечества. Уже в первом номере Ковалевский утверждал, что назначение социологии – «понять принципы прогресса», что «причины и ход человеческого прогресса – это поле практической жизни» [Ковалевский 1913: 2]. Насколько важной казалась эта проблематика, показывает тот факт, что для разъяснения своей

позиции и подчеркивая ее важность, весь третий выпуск был посвящен анализу прогресса, его роли в объяснении трактовок общественного развития. Ковалевский более подробное объяснение роли и значения прогресса дал в своей концепции «генетическая социология», которая, по его мнению, призвана выявлять стадии социальной эволюции и законы, лежащие в ее основе. Его обращение к теории прогресса, составлявшего «ядро» всей позитивистской социологии, привело его к высокой оценке роли и значения солидарности как универсального средства сближения классов, социальных групп, народов, государств. Задача социологии, по его мнению, состоит в анализе солидарности, ее сущности, форм и видов, объективной ее основы, тесно взаимосвязанных с субъективными ее аспектами, которые проходят три ступени: сознание родового единства, патриотизм, космополитизм. Результирующим показателем усиления и роста социальной солидарности выступает социальное равенство и свобода личности. По мнению Ковалевского, для того чтобы добиться решения этой задачи, необходимо, чтобы другие общественные науки, такие как этнография, статистика, политическая экономия, политическая наука и другие, снабжали социологию материалом для генетического учения, но, в свою очередь, сами должны базироваться на социологических законах, представляющих собой синтез процесса и прогресса человеческого общества.

По мнению Де Роберти, большинство исследователей интересовал вопрос «Что такое прогресс?», что означало необходимость «отыскать законы общественного мира» [Де Роберти 1914а: 5]. Идея прогресса связывается у него с социальным действием. Что требовало, на его взгляд, разделять факты-цели и факты-средства [Де Роберти 1914а: 8]. Анализируя многообразие определений, связанных с происходящими изменениями в мире и обществе, он выстроил цепочку «движение – эволюция – прогресс», которая, на его взгляд, позволяет увидеть специфику каждого из этих элементов через «перемещение – простое усложнение – общественное усложнение» [Де Роберти 1914а: 15]. Но он не остановился на общих утверждениях и предложил свое видение прогресса через его

воплощение в решении таких реально осязаемых социальных проблем как справедливость и неравенство, солидарность и антагонизм, свобода и принуждение, а также через решение таких нравственных проблем как истина и заблуждение, добро и зло, добродетель и порок [Де Роберти 1914а: 1].

Свое мнение о прогрессе высказал и Я. А. Новиков, считая его особым проявлением общего закона равновесия [Новиков 1914: 45]. Чтобы была понятна всем важность прогресса, он считал, что надо внушить всем (и показать), что стремление к прогрессу и справедливости – это одно и то же. Его не устраивали никакие потрясения и напряженности в обществе (поэтому он критиковал социалистов), считая, что «с политической точки зрения прогресс – не что иное как достижение полного единства мнений и согласия между людьми» [Новиков 1914: 51]. Он высказывал глубокую убежденность, что прогресс, несмотря на то, что в России «беспорядок, дезорганизация, анархия, все же ускоряется и нет препятствий на пути его торжества» [Новиков 1914: 67].

Но, на наш взгляд, наиболее высокую степень обоснованного объяснения сути прогресса осуществил П. А. Сорокин. В своей большой статье «Обзор теорий и основных проблем прогресса» он продемонстрировал высокий уровень квалификации, знания обширной литературы по этому вопросу и в то же время максимально уважительного отношения к коллегам по социологическому цеху. Поэтому подробнее остановимся на структуре, логике и последовательности осуществленного им анализа по проблемам прогресса.

Высоко оценив вклад О. Конта и своего современника Н. И. Кареева, Сорокин развернул свое понимание прогресса и этапов его эволюции [Сорокин 1914: 113], его цикличности и, наконец, его вариативного развития [Сорокин 1914: 148]. По его мнению, «многие социологические доктрины почти исчерпываются теорией прогресса» [Сорокин 1914: 116]. Более того, он считал, что не только в науке, но и в практике все участвующие в реальной жизни так или иначе руководствуются представлениями о прогрессе, хотя по-разному его трактуют.

Подробно подвергнув анализу имеющиеся точки зрения, он пришел к выводу, что существуют несколько точек зрения на соотношение понятий «эволюция» и «прогресс». Так как, по его убеждению, понимание прогресса связано с эволюцией, он выделил типичные представления понимания эволюции, предварительно заметив, что нужно оценить бытие с точки зрения сравнительно-исторического метода (используя аргументацию своего учителя М. М. Ковалевского). Здесь, по его мнению, существуют два объяснения. Первое из них исходит из того, что все изменяется, но в пределах одной системы, т.е. происходит сочетание неизменного и вечно текущего [Сорокин 1914: 121]. Второе объяснение он трактует в духе Гераклита, что происходит бесконечный процесс «все течет, все изменяется».

Так как понятия эволюция и прогресс многими исследователями различаются, Сорокин останавливается в отдельных разделах своей статьи на их подробном анализе. Рассмотрев наследие Фалеса, Гераклита, Канта, Шопенгауэра, Гегеля, он переходит к анализу циклических теорий эволюции, к трактовке эволюции как последовательному изменению, «круговращению», что нашло отражение в творчестве Вико, Ницше, Лебона и Бланки. Его привлекли идеи Риккерта, Виндельбанта, Ксенополя о том, что эволюция тождественна истории, замечая, что данное утверждение относится ко времени, а не к пространству [Сорокин 1914: 132]. Существенным вкладом он считает вывод Тарда, что эволюция – это способ самонакопления (не обязательно предполагающий отрицание) и способ замещения [Сорокин 1914: 133]. И наконец, он высоко оценил вывод Де Роберти о том, что понятие эволюции зависит от того, в какой сфере совершается изменение [Сорокин 1914: 134].

Исходя из того, что число эволюционных изменений бесконечно, Сорокин разделил все существовавшие теории эволюции на две группы: монистические теории, к творцам которых он отнес Спенсера, Зиммеля, Дюркгейма и Новикова, и плюралистические (Бергсон, Тард), утверждавших, что не может быть только одна тенденция, поэтому «нет единой формулы эволюции» [Сорокин 1914: 139]. Подробно описав и проанализировав названные им теоретические концепции, Сорокин

затем уделил большое внимание их классификации. Он сначала рассмотрел точки зрения Кондерсе, Конта, Руссо, Ж. де Местр, утверждавших, что идеи эволюции равнозначны идеям прогресса, хотя объяснявших по-разному их сущность, различая позитивный, пессимистический и смешанный их характер [Сорокин 1914: 145–146]. Затем последовал анализ работ Михайловского, Лаврова, Уорда, отстаивающих позицию, что прогресс и эволюция – это различные понятия. Их объяснение, по мнению Сорокина, можно отнести к оценочному типу, так как прогресс они связывали с оценкой, а эволюцию – к констатации изменений [Сорокин 1914: 147–148]. Видя ограничения в представлениях о прогрессе, Сорокин заметил и начало возникновения третьего подхода, выраженного Де Роберти, – «прогресс есть эволюция, становящаяся для нас целью», что изменения в социальной среде – это прогресс, а в естественной среде – эволюция [Сорокин 1914: 153].

Вместе с тем, обосновывая идеи прогресса и являясь убежденными в его непререкаемой ценности, авторами «Новых идей...» были высказаны осторожные замечания по поводу того, что идея прогресса не исключает и отклонений в ряде сфер познавательной и преобразующей деятельности человека. Так, Де Роберти писал, что идея прогресса по отношению к знаниям в определенной степени спорна, так как на пути познания были и заблуждения, и ошибочные выводы, и опровержение новыми знаниями [Де Роберти 1914а: 8–9]. Сорокин был даже более категоричен, утверждая, что развитие, которое олицетворяет прогресс, имеет и прогрессивные, и регрессивные черты [Сорокин 1914: 148].

Однако этим не исчерпывается предлагаемая тематика будущих и рекомендуемых областей и направлений исследований.

У Де Роберти наряду с теоретико-методологическими поисками внимание было направлено на оценку роли этики, морали, что позволяет считать его одним из основателей социально-психологической школы в истории русской социологии. Де Роберти даже пытался ограничить социологию социальной этикой, опираясь в своих размышлениях на достижения психологической науки. Он считал, что многое в обществе можно

объяснить с помощью того, что Тард называл интерпсихологией или теорией взаимодействия одного ума с другим. Но неадекватность коллективной психологии в интерпретации общественного процесса в целом вела к тому, что психология, по его мнению, выступает как часть социологии.

Роль психологических аспектов социальных процессов нашла отражение в том, что весь строй одного из выпусков «Новых идей ...» был посвящен анализу взаимодействия социологии и психологии, в котором наряду с инициатором опубликовали свои размышления по этой теме Э. Дюркгейм, Г. Тард, Д. Драгическо, Г. Палант и П. Коллэ.

Ратуя и поддерживая социальный прагматизм, в статьях анализировались реальные проблемы труда [Ковалевский 1913; Де Роберти, 1913: 19–28], социальный облик религии [Сорокин 1914b: 130; Кондратьев 1914: 33–58], такая новая для того времени проблема как равноправие мужчин и женщин [Новиков 1914: 51–52], семьи [Сорокин 1914: 131]. Социально-психологический феномен как добро и зло стал предметом специального анализа у Де Роберти, что он связывал с достижением социального равенства, которое должно быть нацелено на то, чтобы «дать возможно большему количеству людей свободу» [Де Роберти 14а: 1–45]. Стоит отметить, что и такой анализ как социальный облик религии был осуществлен Н. Д. Кондратьевым.

Методологические и методические проблемы социологии

В основе их обоснования лежала парадигма социологического реализма в тех или иных вариантах, которые в конечном счете сводились к тому, что надо начинать с анализа общества, с познания законов общественного развития, постепенно «спускаясь» к рассмотрению составляющих общество компонентов вплоть до конкретного человека.

Ковалевский считал, что социология отвлекается от случайных событий и указывает общую тенденцию развития общества. По его мнению, цель социологии – раскрыть причины

движения человеческого общества, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственности и причинной связи. Важнейшим и первостепенным по значимости методом социологии он считал **сравнительно-исторический метод**, который, по его мнению, наиболее продуктивен. В соответствии с этим методом у различных народов можно выявить группы, сходные по своим политическим, историческим, юридическим процессам и дающие возможность установить факт прохождения одинаковых стадий развития различными народами и государствами. Сравнительно-исторический метод основывается на признании единства и целостности человеческого общества, на существовании исторических закономерностей, которые он призван обнаружить. Но один этот метод сам по себе еще не гарантирует успеха исследования. Необходимо брать общество во взаимосвязи всех его сторон и строить сравнение на предельно широком материале. Основную ценность этого метода Ковалевский видел не в открытии новых факторов, а в научном объяснении уже имеющихся, в возможности «постепенного восхождения до общих мировых причин развития» социальных явлений. В классификации наук он поместил социологию вслед за биологией и психологией.

Примечательны рассуждения Де Роберти о требованиях при анализе исследуемых процессов использовать метод двухсторонней или возвратной причинности. По его мнению, социолог должен следовать логике познания – выявить внешние, а затем внутренние причины общественных явлений и их взаимовлияние и взаимосвязь [Де Роберти 1913: 36]. Исходя из этого, он настаивал, что социолог должен различать устойчивые повторяющиеся события и факты от кажущихся, случайных, иначе это может привести к заблуждению и неверным выводам. Большое внимание он уделял требованию не столько описывать, сколько объяснять, уметь обобщать. Идеи социологов должны быть обязательно связаны с практической жизнью, что он показал на примере анализа проблем труда [Де Роберти 1913: 17]. Вместе с тем, настаивая на важности исследования и анализа реальности и подчеркивая недостаток эмпиризма в существующем социологическом знании, он предупреждал

о другой крайности: «исключительное поклонение конкретному факту», «его односторонний культ приводит к пустой и бесплодной схоластике» [Де Роберти 1913: 19].

Что касается методологических и методических установок П. А. Сорокина, то в своей статье «Границы и предмет социологии», опубликованной в первом выпуске, он сформулировал те исходные положения, которые стали базой его интегральной социологии. Для него начало всех начал – рассмотрение общества в его многообразии, затем составляющих его элементов с постепенным переходом к познанию того, что представляет собой человек, его сознание и поведение. Он предложил социологический анализ начинать с простейшей клетки общества – социального взаимодействия, разложив его на составные компоненты. Затем Сорокин перешел к рассмотрению *основного результата социального взаимодействия – образованию «коллективного единства»*. Согласно его суждению, «общество или коллективное единство» представляет собой совокупность взаимодействующих людей, отличную от простой суммы индивидов. Общество существует не «вне» и «независимо» от индивидов, а «только как система взаимодействующих единиц» [Сорокин 1913: 90–91].

В этой статье Сорокин в кратком виде изложил то, что потом нашло развернутое изложение в «Системе социологии». Социологию он разделял на теоретическую и практическую (прикладную). Он полагал, что теоретическая социология включает в себя социальную аналитику (изучение строения социальных процессов и явлений и их комбинации), социальную механику (изучающую процессы взаимодействия людей и тех сил, которые вызывают эти взаимодействия) и социальную генетику или генетическую социологию (исторические тенденции развития общества). Практическая социология – это, по его мнению, соучастие в управлении и воздействие на принятие решений на всех уровнях социальной организации общества.

И хотя в это время не было эмпирических исследований, разработанных методик, не было научно-обоснованного опыта сбора и анализа эмпирических данных, обоснования выборки (т.е. того, что в социологию пришло позднее), в этих сборниках

нашла отражение убежденность, что в социологии надо различать реальные явления и процессы от кажущихся и случайных.

Говоря о методе социологии, Сорокин отмечает, что он должен быть приближен к методу естественных наук, то есть иметь в своей основе наблюдение и измерение, а не метафизические рассуждения о «психической реальности», которую нельзя непосредственно наблюдать и измерить. Для этого социология должна изучать только акты поведения, доступные наблюдению и измерению.

Обосновывая методологические проблемы, основатели «Новых идей...» самым решительным образом выступали за интеграцию социологического знания с данными других наук. Все они ратовали за союз с естествоиспытателями (Сорокин 1913: 91). Он неоднократно утверждал, что именно социология по сравнению с другими социальными науками ближе всех к естествознанию и точным наукам. Это наложило отпечаток на его характеристику среди научной общественности: если О. Конт создал «социальную физику», а Г. Спенсер – «социальную биологию», то Сорокина называли «социальным химиком». Что касается социальных наук, то у них были и свои личные предпочтения: у Ковалевского – этнография (возможно, сказалось личное участие в трех экспедициях на Кавказ), у Роберти – психология и этика, у Сорокина – право, психология и история.

В целом, оценивая издание 4-х выпусков «Новые идеи в социологии», можно сказать, что многие идеи сохранили свою значимость и актуальность до настоящего времени, прошли испытания временем, что подтверждает высокий уровень научного предвидения, высказанного основателями этого первого опыта создания периодического социологического сборника. Ими продемонстрировано уважительное творческое отношение к социологическому наследию, к творчеству своих современников как в России, так и за рубежом и убедительно показано, что их новаторские идеи базируются на богатстве идей предшественников и коллег.

К сожалению, обстоятельства военного времени (шла Первая мировая война), а затем и смерть инициатора первого периодического издания по социологии М. М. Ковалевского

первала эту попытку обеспечить социологов и тех, кто тяготел к социальной проблематике, доступ к регулярной и актуальной в теоретическом и прикладном смысле информации, наладить регулярный обмен полученными знаниями. Но несмотря на кратковременность существования эти выпуски могут служить образцом издания периодического социологического издания.

Список литературы

- Де Роберти Е. В.* 1913. Современное состояние социологии. // Новые идеи в социологии. Сб. 1. Социология, ее предмет и современное состояние. СПб.: Образование. С. 11–58.
- Де Роберти Е. В.* 1914 а. Идея прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. Что такое прогресс. СПб.: Образование. С. 1–17.
- Де Роберти Е. В.* 1914 б. По поводу теории Вебера о ритме прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. Что такое прогресс. СПб.: Образование. С. 91–96.
- Де Роберти Е. В.* 1914 с. Социология и психология // Новые идеи в социологии. Сб. 2. Социология и психология. СПб.: Образование. С. 1–26.
- Ковалевский М. М.* 1914. Обоснование дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. Сб. 4. Генетическая социология. Изд-во «Образование». СПб.: Образование. С. 84–108.
- Ковалевский М. М.* 1913. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии. Сб. 1. Социология, ее предмет и современное состояние. СПб.: Образование. С. 1–10.
- Кондратьев Н. Д.* 1914. Генрих Кунов о происхождении и развитии религии // Новые идеи в социологии. Сб. 4. Генетическая социология. СПб.: Образование. С. 33–58.
- Новиков Я. А.* 1914. Сущность прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. Что такое прогресс. СПб.: Образование. С. 45–90.
- Сорокин П. А.* 1913. Границы и предмет социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 1. Социология, её предмет и современное состояние СПб.: Образование. С. 59–108.

- Сорокин П. А.* 2014 а. Обзор теорий и основных проблем прогресса. Сб. 3. Что такое прогресс /Новые идеи в социологии. СПб.: Образование. С. 115–155.
- Сорокин П. А.* 1914 б. Эмиль Дюркгейм о религии // Новые идеи в социологии. Сб. 4. Генетическая социология. СПб.: Образование. С. 58–83.

Примечание от редакции. Редакция сочла возможным назвать все опубликованные статьи, помимо цитируемых, чтобы читатель видел все полотно социологических поисков теоретических, методологических и методических проблем наряду с анализом отдельных социальных процессов. В списке представлены названия всех статей в четырех сборниках в алфавитном порядке авторов.

- Бруно А.* 1914. К вопросу о происхождении семьи. Перевод М. Ватсон. Сб. 4. Генетическая социология. С. 109–136.
- Бюиссон Ф.* 1914. К вопросу о политическом прогрессе. Перевод Н. Кондратьева. Сб. 3. Что такое прогресс. С. 97–102.
- Вебер Л.* 1914. Эволюция и прогресс. Перевод С. Зорина. Сб. 3. Что такое прогресс. С. 68–90.
- Де-Роберти Е. В.* 1913. Современное состояние социологии. Сб. 1. Социология, её предмет и современное состояние. С. 11–58; Социология и психология. Сб. 2. Социология и психология. 1914, с. 1–26; Идея прогресса. Сб. 3. Что такое прогресс. 1914, с. 1–17; По поводу теории Вебера о ритме прогресса. Сб. 3. Что такое прогресс. 1914, с. 91–96.
- Драгическо Д.* 1914. Отношение между психологией и социологией. Перевод В. Вьюгова. Сб. 2. Социология и психология. С. 100–120.
- Дюркгейм Э.* 1914. Социология и теория познания. Перевод П. Сорокина. Сб. 2. Социология и психология. С. 27–67.
- Зиммель Г.* 1913. Проблема социологии. Перевод с немецкого Г. Федотова. Сб. 1. Социология, её предмет и современное состояние. С. 109–141.
- Ковалевский М. М.* 1914. Социология на Западе и в России. Сб. 1. Социология, ее предмет и современное состояние. 1913,

- с. 1–10; Обоснование дозволенных и недозволенных действий. Сб. 4. Генетическая социология. С. 84–108.
- Коллэ П.* Отношение социологии к психологии и биосоциальная гипотеза. Перевод С. Шевченко. Сб. 2. Социология и психология. 1914, с. 81–99; Общественный прогресс. Перевод В. де-Кастро. Сб. 3. Что такое прогресс. 1914, с. 22–29.
- Кондратьев Н. Д.* 1914. Генрих Кунов о происхождении и развитии религии. Сб. 4. Генетическая социология. С. 33–58.
- Лориа А.* 1914. Последняя эволюция теории прогресса. Перевод П. Сорокина. Сб. 3. Что такое прогресс. С. 30–44.
- Манувриэ Л.* 1914. Умственный прогресс с антропологической точки зрения. Перевод П. Зепалова. Сб. 3. Что такое прогресс. С. 103–115.
- Новиков Я. А.* 1914. Сущность прогресса. Сб. 3. Что такое прогресс. С. 45–67.
- Оствальд В.* 1914. Энергетика общих законов прогресса. Перевод Н. Кондратьева. Сб. 3. Что такое прогресс. С. 18–21.
- Палант Г.* 1914. Антиномия между личностью (индивидом) и группой (обществом) в области духовной, преимущественно умственной жизни. Перевод А. Софронова. Сб. 2. Социология и психология. С. 121–136.
- Погодин А. Л.* 1914. На грани животного и человеческого. Сб. 4. Генетическая социология. С. 1–32.
- Сорокин П. А.* Границы и предмет социологии. Сб. 1. Социология, ее предмет и современное состояние. 1913, с. 59–108; Обзор теорий и основных проблем прогресса. Сб. 3. Что такое прогресс. 1914, с. 115–155; Эмиль Дюркгейм о религии. Сб. 4. Генетическая социология. 1914, с. 58–83.
- Тард Г.* 1914. Психология и социология. Перевод В. де-Кастро. Сб. 2. Социология и психология. С. 68–80.